

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

**Сборник статей
XXVII Международной научной конференции
(26–28 октября 2016 г.)**

*Ответственный редактор
доктор педагогических наук, профессор С.К. Гураль*

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2017

5. Bialystok E. Bilingualism in Development. Language, Literacy, and Cognition. Cambridge University Press, 2001.
6. Gordon R. (ed.). Ethnologue: languages of the world // Dallas, TX: SIL International. Fifteenth edition. 2005. [Electronic resource]. URL: <http://www.ethnologue.com>.
7. Grosjean F. Bilingual: Life and reality. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010. 304 p.
8. Wei Li (ed.). The Bilingualism Reader // Taylor&Francis Group. 2005.
9. Bak Thomas H. Cooking pasta in La Paz: Bilingualism, bias and the replication crisis // Linguistic Approaches to Bilingualism. John Benjamins, 2016.
10. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М.: Наука, 1983. 216 с.
11. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: наука, 2003. 320 с.
12. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты. М., 1972. С. 25–60.
13. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. Л.: Наука, 1972. 80 с.
14. Залевская А.А. Проблематика двуязычия в зарубежных публикациях последних лет: обзор // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 114–118.
15. Эрвин-Трипп С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия // Новое в лингвистике. Вып. VII: Социоллингвистика. М., 1975. С. 336–362.
16. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты. М., 1972. С. 25–60.
17. Салихова Э.А. Варьируемость русского языка в условиях многоязычия (по материалам ассоциативных экспериментов) // Вопросы филологии. 2011. № 1 (37). С. 25–32.

А.Д. Волошина, Н.И. Маругина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

БРИТАНСКИЕ ДЕТСКИЕ РАССКАЗЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ БРИТАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Данная статья посвящена британским классическим детским рассказам, отражающим национальную культуру Британии. Актуальность данной темы исследования обусловлена недостаточной изученностью британской детской литературы с лингвокультурологических позиций. В данной статье автором производится сопоставление двух культур: традиционные Британские детские рассказы рассматриваются в их сопоставлении с традиционными русскими с целью выявить точки сходства и отличия проявления национальных черт в детских рассказах этих двух культур. Автор выделяет детские рассказы среди всего объема литературного творчества как принципиально новый способ познания культуры данного общества. Автор обращается к британской национальной культуре и британским детским рассказам как инструменту, прививающему самым юным членам общества качества, составляющие опору их будущего самосознания, и на примере реализации в них культурологических особенностей британского социума выявляет характерные для него черты, применяя *лингвокультурологический подход*.

В современную эпоху развития лингвистического знания повышается необходимость акцентуации взаимосвязи языка и культуры. Этническая принадлежность неизбежно предопределяет особенности национальной культуры – так, народ, говорящий на каком-либо языке, всегда является носителем «языковой картины мира», содержащей национальные культурные феномены.

Проблема отражения национальной идентичности в художественном творчестве в контексте определения национальных черт общества широко освещена в работе М. К. Поповой «Национальная идентичность и её отражение в художественном сознании» [1].

В данной статье Британская национальная идентичность рассматривается через отсылку к традиционной детской литературе, что может дать широкое представление об особенностях

национально-культурной общности: от традиций и моральных устоев Британского социума, закрепившихся не одно поколение назад, до отдельно взятых черт Британского национального характера.

Несмотря на то что исследования национальной культуры носят междисциплинарный характер, в этом аспекте необходим **лингвокультурологический подход**: национальный язык формирует и предопределяет вектор развития национального самосознания и, следовательно, особенности национальной культуры [2].

Лингвокультурология в современном лингвистическом знании находится в процессе своего становления и рассматривается как методология изучения стереотипов национального характера. Поскольку культурные единицы того или иного социума находят своё отражение в языке этого социума, изучение культуры возможно на материалах их языковой реализации. Учитывая тот факт, что язык мыслится как составной элемент культуры, включающей в себя структуру социальных взаимоотношений, анализ традиционной детской британской литературы с лингвокультурологических позиций может помочь изучить Британский национальный характер с его «истоков». Именно в детской литературе заложены основы восприятия человеком окружающей его действительности, целостной картины образа жизни этого народа, объединённого теми общими ценностями, которые находят своё отражение в детской литературе. По мнению С. Г. Тер-Минасовой [3. С. 159], именно язык раскрывает определенные черты национального характера. Отдельной областью исследования является лингвокультурологический анализ текста как подлинного хранителя культуры. В частности, Norman Fairclough, британский лингвист, одна из центральных фигур в современном критическом дискурсе-анализе, называет в числе причин, почему именно текст так важен для изучения культуры и социокультурных аспектов жизни общества, следующие [4]: язык и текст в частности является механизмом и формой производства, реализации и трансляции национальной идентичности в обществе, говорящем на этом языке, а классический художественный текст содержит максимальное количество свидетельств о том, какие культурные реалии составляют базу представлений о жизни, ценностях и взаимоотношениях в обществе, характерных для данного социума. В историческом аспекте художественный текст максимально точно отражает исторические реалии той эпохи или периода, к которой относится, а также реагирует на какие-либо изменения в социокультурном строении и языковых реалиях общества [4].

Ценность вклада текста детской литературы в возведении некоторых характерных черт на уровень национальных может быть приравнена к ценности воспитания и воспитательного процесса.

Основная цель классических британских детских рассказов – донести некоторую мораль, простую и очевидную идею о взаимоотношениях между людьми и о понятиях «добра и зла», «хорошего и плохого», которые на ассоциативном уровне знакомы всем нам с детства. Этот факт говорит о том, что культурные отличия в контексте детской литературы зачастую сложно проследить: чаще всего, такие рассказы призваны привить *общечеловеческие* ценности, понятные каждому человеку по всему миру, вне зависимости от его этнической и культурной принадлежности.

Так, рассказ “The Wind in the Willows” Кеннета Грэма относится к такому разряду британской детской классики, который по праву считается определителем вектора развития британской детской литературы в целом. Написанная в период «золотого века» британской детской литературы (1862–1930), эта типично английская книга прочно основывается на определенном культурном, историческом и социальном уровне развития британского общества. “All texts reflect the period of time and culture when they were written” (Riitta Oittinen, 1997) [5].

Рассказ «Ветер в ивах» – очень иносказательная и многослойная история, полная символов и своеобразных намёков. Сам Кеннет Грэм писал, что его цель – написать книгу, которая будет «свободной от конфликтов» [5]. Так, в своём известном письме Теодору Рузвельту он писал следующее: «...качества [героев этой книги], какие бы то ни было, лишены негатива, то есть никаких проблем, никаких гендерных отличий, никакого подтекста» [5] (приведён авторский вариант перевода). Мы можем так интерпретировать вышесказанное: сам автор стремился

намеренно лишить свое произведение почвы для глубокого анализа и сделать его истинно детским. Однако многие исследователи находили в нем множество подтекстов и отсылок к общественному устройству Британии того времени [5]. Так, прослеживается четкое деление разных персонажей-животных на классы, что было крайне характерно для социального устройства Британии того времени. Мистер Крот принадлежит к верхним слоям среднего класса (“upper middle class”), а мистер Барсук – зажиточный английский джентельмен, представляющий старую артистократию. Ласки, горностаи и другие обитатели Дикого Леса отражают рабочий класс – более низкую социальную ступень. Различия между этими классами создают в рассказе определённое напряжение и выносят социокультурный мотив на первый план. Несмотря на то что чёткая социальная принадлежность мистера Жабы никогда не упоминалась, мы приводим мысль, что автор задумывал данного персонажа как некоего «богача-выскочку». Мы можем сделать такой вывод, опираясь на факт, что согласно тексту рассказа семья мистера Жабы купила себе место в классе крупных помещиков-землевладельцев. Его действия всегда были чем-то позорным для тех членов этого класса, которые унаследовали или заработали честным трудом этот социальный статус. Таким образом, хоть дети и не понимают полноту социально-политического подтекста, *через текст детского рассказа* им уже прививается понимание, что не все в жизни продаётся и покупается и всё необходимо зарабатывать честным трудом.

Многие культурно-направленные элементы буквально привязывают историю «Ветра в ивах» к Англии. Стоит отметить, что в переводе на многие другие языки, к примеру, финский [5] и русский, эти культурные элементы были опущены переводчиком или заменены на нейтральные. К таким элементам относятся, например, следующие выражения: “*Merry England*”, “*English stream*”, а также эпизод, в котором Грэм описывает подземное жилище мистера Крота. В нём автор поясняет, что “*there were brackets carrying plaster statuary – Garibaldi, and the infant Samuel and Queen Victoria and other heroes of modern Italy*” [6], таким образом высмеивая попытки Крота сымитировать образ жизни верхних слоёв среднего класса Британии. Это явная культурологическая и национальная британская черта, которая была бы не понятна при переводе носителям другой культуры, и целый абзац пришлось бы адаптировать, чтобы не лишить его смысла для иностранных читателей. Кроме того, главные герои неоднократно используют лексику, характерную для того периода Британской культуры: “*buggin’s product*”, “*guava jelly*”, “*goodly life that you lead*”, “*butler’s pantry*”.

В своей работе “*English social history*” Д. М. Тревельян подчеркивает, что характерной особенностью британской детской литературы конца *Викторианской* (1837-1901 гг.) – начала *Эдвардианской эпохи* (1901-1910 гг.) всегда была некоторая «двоякая направленность»: как на юного, так и на взрослого читателя [7]. Мы рассматриваем «Ветер в ивах» как рассказ, находящийся по своим культурным и социальным отсылкам на периферии детской и взрослой литературы. Это проявляется в строгом, но остроумном и даже язвительном языке повествования и построении диалогов, что, как правило, уже указывает на отнюдь не детскую ориентированность произведения. Исследователями предлагаются различные способы интерпретации этой книги и ее социокультурного подтекста. [5]

Таким образом, мы приводим мысль о том, что «Ветер в ивах» наряду с детскими рассказами Л.М. Монтгомери отражает социокультурные проблемы и положение Британского общества Эдвардианской эпохи. В таких рассказах культурно-ориентированные элементы позволяют автору не только поместить происходящее в определённую историческую эпоху, но и создать атмосферу, отражающую культурные ценности этого периода.

В «Ветре в ивах» прослеживается тенденция к позитивному мышлению британского общества: природа и добропорядочная жизнь в обществе меняет героев к лучшему. В поведении героев «Ветра в ивах» прослеживается проявление одной из самых основных, «стереотипных» национальных британских черт: приверженность традициям и стремление их сохранить во всем, от быта до социального устройства.

Об отличиях и сходствах культурологических особенностей британских и русских детских рассказов мы сделаем выводы, опираясь на **классические детские рассказы притчевого**

типа: “The Ant and the Grasshopper” и «Стрекоза и муравей». В первую очередь, стоит отметить лексикологическое *отличие*: в английской версии Стрекоза представлена как “Grasshopper” (в пер. «кузнечик»), и лексикологическое сходство: как в британской, так и в русской версии Муравей представлен как Муравей (англ. “Ant”). На основании этого мы приводим мысль о том, что как в британской, так и в русской культуре прообраз Муравья ассоциируется с медлительным, но очень трудолюбивым животным. Примером служат следующие традиционные русские идиоматические выражения, пословицы и поговорки: *«трудишься, как муравей»*, *«в июле муравей трудится, а стрекоза красуется»*, *«мал муравей, да горы копает»*; и британские *“The ants are a people not strong, yet they prepare their meat in the summer”*, *“Go to the ant, thou sluggard; consider her ways, and be wise”*.

Басня Крылова «Стрекоза и муравей» поэтична, аллегорична и иносказательна, как и каждая из его басен. В британской версии мы видим прозу, кажущуюся «суховатой», на первый взгляд, по сравнению с изящным слогом Крылова, изобилующим выражениями, ставшими крылатыми в русской культуре: *«попрыгунья-стрекоза»*, *«лето красное пропела»*, *«зима катит в глаза»* и т.д. Английский “The Ant and the Grasshopper” более лаконичен, не нагружен поэтичными образами, единственным стилистическим приёмом может быть обозначен приём антропоморфизма, в целом характерный для любых детских рассказов. В этом проявляется следующее отличие британской культуры от русской: традиционно британская культура более строга и лаконична, а британская детская литература очень избирательна в формулировках и стиле изложения. Русский человек во всём склонен к украшательству и «высокому» стилю изложения в художественном творчестве: автор делает вывод, что запасливость и экономичность – национальная черта скорее британского, нежели русского менталитета.

Однако и в британской, и в русской версиях рассказа отражены *одинаковые хорошие и плохие человеческие качества*: трудолюбивый Муравей и беззаботная ленивая Стрекоза (англ. Grasshopper), каждый из которых получает то, что заслужил, в финале истории.

Обе истории высмеивают такие недостатки характера, как лень, излишняя беззаботность, непредусмотрительность, нежелание трудиться.

На основании вышесказанного мы можем сделать следующий вывод: и в русской, и в британской национальной культуре поощряется человеческое трудолюбие и предусмотрительность и осуждаются человеческие пороки.

Таким образом, мы делаем вывод о том, что лингвокультурологический анализ текста британских детских рассказов позволяет более широко взглянуть на проблему становления национальной культуры. Мы предлагаем следующую проблематику дальнейших исследований по теме: дискурс-анализ британской детской литературы как истоков стереотипов о национальном характере; лингвокультурологические исследования британского фольклора: идиом, пословиц, поговорок и сказок как источников информации о традициях, существующих в британском обществе; текст британской детской литературы в исторической интроспективе: как изменялся концепт детства с начала развития детской литературы Британии до современного этапа.

Литература

1. Попова М.К. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. Воронеж: ВГУ, 2004. 170 с.
2. Ноженко Е.В. Лингвокультурология как методология изучения стереотипов национального характера // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2006. № 23.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. М.: Слово, 200. С. 159.
4. Fairclough Norman. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London: Routledge, 2003.
5. Hagfors Irma. A journey to another time and place: how a British Victorian children’s classic was translated in postwar Finland. The Electronic Journal of the Department of English at the University of Helsinki. Vol. 1. 2001. URL: <http://blogs.helsinki.fi/hes-eng/volumes/volume-1-special-issue-on-translation-studies/a->

- journey-to-another-time-and-place-how-a-victorian-childrens-classic-was-translated-in-postwar-finland-irma-hagfors/ (дата обращения: 18.03.2016).
6. Graham Kenneth The Wind in the Willows. 1903. 102 p. URL: <http://pinkmonkey.com/dl/library1/wind.pdf> (дата обращения: 18.03.2016).
 7. Тревельян Д.М. English social history. L., 1942.
 8. Павловская А.В. Особенности национального характера, или За что англичане любят очереди // Во круг света. 2003. № 6.
 9. Кулагина Я.М., Кубанев Н.А. Особенности британского национального характера // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: Сб. ст. по матер. XXXIII междунар. науч.-практ. конф. № 33. Ч. I. Новосибирск: СибАК, 2014.
 10. Kovala, Urpo Cultural Studies and Cultural Text Analysis. CLCWeb: Comparative Literature and Culture 4.4. 2002. [Электронный ресурс] URL: <http://dx.doi.org/10.7771/1481-4374.1169>.

Е.В. Вычужанина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ

Аннотация. Несмотря на то что изучение феномена вежливости вызывает живой интерес в последние десятилетия, среди исследователей до сих пор нет единого взгляда на то, что понимать под вежливостью, какова природа этого явления и его роль в социуме. В статье рассматриваются некоторые исторические предпосылки формирования вежливости в Западной культуре, а также анализируются позиции современных лингвопрагматиков и социолингвистов на проблему определения феномена вежливости.

С 60-х годов XX века вопросы прагматики языка и принципов его функционирования во всех сферах деятельности человека привлекают повышенное внимание лингвистов, философов, социологов и социолингвистов. С этой точки зрения, феномен лингвистической вежливости заслуживает глубокого и всестороннего исследования, поскольку современная социолингвистика рассматривает вежливость как базовый принцип человеческих взаимоотношений, который защищает такие ценности, как личная свобода, право голоса, право на самоопределение, свобода выбора, право на личное пространство. С помощью принципов вежливого поведения члены социальной группы выстраивают, структурируют и поддерживают систему социальных отношения.

С этой точки зрения, изучение феномена лингвистической вежливости в контексте современной науки представляется актуальным, поскольку вежливое поведение и язык вежливости не просто помогают организовать коммуникацию, избежать конфликтов и коммуникативных неудач, но и позволяют человеку чувствовать себя в гармонии с собой и окружающим миром.

Слово «вежливость» входит в повседневный лексикон любого человека, и мало кто задумывается в обыденной жизни, что это научный термин. Однако до сих пор не существует единого мнения о том, что понимать под «вежливостью».

Г. Каспер в своей статье «Politeness» отмечает, что в обыденном понимании вежливость ассоциируется с правильным поведением в обществе и внимательным, тактичным отношением к другим людям [1].

Словарь русского языка определяет вежливость как соблюдение правил приличия, а вежливого человека как учтивого и обходительного [2].

Вежливость не является врождённой способностью или инстинктом человека. Скорее это составляющая процесса социализации личности, знания и умения, которые формируются в